

ИСТОРИЯ СООРУЖЕНІЯ ПАМЯТНИКА ЛОМОНОСОВУ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКѢ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ въ Россіи памятникъ Ломоносову воздвигнутъ на его родинѣ и украшаетъ собою площадь въ городѣ Архангельскѣ, названною Ломоносовскою. Площадь эта раздѣляетъ главную городскую улицу—Троицкій проспектъ—на двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга части: южную съ русскимъ населеніемъ и сѣверную—съ нѣмецкимъ, издавна именуемую Нѣмецкою слободкою. Ломоносовская площадь окружена лучшими зданіями въ городѣ: губерна-торскій домъ, присутственные мѣста, городская дума, полицейское управленіе, мужская и женская гимназіи—эти каменные зданія, которыхъ вообще такъ мало въ Архангельскѣ, какъ бы нарочно сгруппировались вмѣстѣ, чтобы образовать изъ себя приличную рамку для главнаго и почетнаго украшенія города—памятника Михаилу Васильевичу Ломоносову.

Первая мысль о сооруженіи памятника Ломоносову на его родинѣ, т. е. въ Архангельской губерніи, явилась въ 1825 году у архангельскаго и холмогорскаго епископа Неофита, который, не смотря на кратковременность управленія своею сѣвѣрною епархіею, оставилъ въ ней глубокіе по себѣ слѣды. Происходя изъ причетническихъ дѣтей, уроженецъ Московской губерніи, Неофитъ, въ мірѣ Докучаевъ, по окончаніи курса наукъ въ Сергіево-Лаврской семинаріи, 28 лѣтъ постригся въ монашество и уже спустя всего четыре года былъ возведенъ въ санъ архимандрита, а 39-ти лѣтъ, въ 1821 году, наименованъ архангельскимъ и холмогорскимъ епископомъ. Не касаясь его весьма обширныхъ реформъ въ этой епархіи, укажемъ лишь на громадную услугу православію, ока-

занную имъ составленіемъ проекта обращенія въ христіанство самѣдовъ Архангельской губерніи; проектъ этотъ былъ одобренъ синодомъ и приведенъ съ полнымъ успѣхомъ въ исполненіе. Неофитъ отличался замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и за свои проповѣди былъ прозванъ мѣстными современниками златоустомъ сѣвера.

Въ головѣ этого сравнительно молодого епископа созрѣла мысль воздвигнуть на сѣверѣ самому замѣчательному человѣку сѣвера памятникъ, который свидѣтельствовалъ бы потомству о заслугахъ Ломоносова, оказанныхъ русскому просвѣщенію, и съ другой стороны напоминалъ бы сѣверянамъ о томъ, что трудъ и стремленіе къ образованію всегда выведутъ человѣка на истинную дорогу и будутъ почтены не только современниками, но и благодарнымъ потомствомъ. Задавшись этой мыслью, преосвященный принялся за хлопоты.

Прежде всего онъ обратился къ бывшему въ то время архангельскимъ генераль-губернаторомъ и главнымъ командиромъ порта адмиралу Степану Ивановичу Миницкову и въ лицѣ его встрѣтилъ полное сочувствіе и поддержку своей идеѣ. Энергично принявшись за дѣло, они въ нѣсколько дней собрали по предварительной подпискѣ среди своихъ знакомыхъ слишкомъ двѣ тысячи рублей пожертвованій, положивъ такимъ образомъ начало капиталу, необходимому для сооруженія памятника. Но зная, что предпріятіе это потребуетъ несравненно большихъ расходовъ, Неофитъ подаль Миницкову мысль объ открытіи подписки повсемѣстно въ Россіи. Для этого было необходимо Высочайшее разрѣшеніе, почему генераль-губернаторъ и ходатайствовалъ предъ министромъ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковымъ о представленіи этого вопроса на благоусмотрѣніе императора Александра I. Ходатайство свое онъ мотивировалъ тѣмъ, что жители города Архангельска, сохраняя уваженіе къ памяти единоплеменца ихъ покойнаго статскаго совѣтника Ломоносова, изъявили желаніе воздвигнуть приличный памятникъ сему незабвенному въ лѣтописяхъ отечественной словесности мужу, въ виду чего можно быть увѣрену, что мужи просвѣщенія и любители отечественнаго слова примутъ участіе въ желаніи нашемъ почтить память Ломоносова. Высочайшее соизволеніе на это ходатайство послѣдовало въ мартѣ 1825 года. Одновременно съ этимъ разрѣшеніемъ, Императорская Академія Наукъ опредѣлила назначить изъ собственныхъ ея суммъ на издержки по сооруженію памятника своему академику тысячу рублей.

Но инициатору этого дѣла—епископу Неофиту не удалось увидѣть свою идею воплощенною: въ іюнѣ того же 1825 года онъ, послѣ кратковременной болѣзни, скончался...

Между тѣмъ, пока собирались деньги по подпискѣ со всей Россіи, было приступлено къ составленію проекта памятника Ломо-

носову, которое принялъ на себя, по предложенію А. С. Шишкова, ректоръ Академіи Художествъ, статскій совѣтникъ Иванъ Петровичъ Мартосъ, извѣстный такими художественными и капитальными произведеніями, какъ памятники Минину и Пожарскому въ Москвѣ, герцогу Ришелье въ Одессѣ; кромѣ того, этимъ скульпторомъ-профессоромъ изваяны многія статуи, находящіяся во дворцѣ и дворцовомъ паркѣ въ Павловскѣ, и монументъ императору Павлу въ Аракчеевскомъ Грѣзинѣ.

Мартосъ составилъ проектъ слѣдующаго содержанія, которое передаемъ его собственными словами:

«Идею для составленія моего монумента подала мнѣ мысль, почитаемая лучшимъ твореніемъ Ломоносова, ода одиннадцатая: «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія». Ломоносовъ представленъ мною на сѣверномъ полушаріи для означенія, что онъ есть сѣверный поэтъ. На полушаріи награвировано имя Холмогоръ, мѣста его рожденія¹⁾. Положеніе фигуры выражаетъ изумленіе, которымъ пораженъ онъ, взирая на великое сѣверное сіяніе. Въ восторгѣ духа своего, поэтъ желаетъ воспѣть величіе Божіе и принимаетъ лиру, подносимую гениемъ поэзіи. Вотъ минута, изображенная для статуи Ломоносову, минута вдохновенія, произведшаго безсмертные стихи:

«Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
«Какъ мала искра въ вѣчномъ лѣдѣ,
«Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
«Въ свирѣпомъ, какъ перо, огнѣ,—
«Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
«Теряюсь мыслями утомленъ.

«Вензелевое на лирѣ имя государыни императрицы Елисаветы Петровны означаетъ, что Ломоносовъ былъ пѣвецъ счастливаго ея царствованія. Вышина стоящей фигуры Ломоносова 3 аршина 2 вершка; фигура гения въ натуральную величину, а пьедесталь въ пропорцію противъ группы»²⁾.

Сумму, необходимую для изготовленія памятника съ пьедесталомъ по этому проекту, Мартосъ опредѣлилъ въ 46,000 рублей ассигнаціями и, представляя проектъ свой Шишкову, онъ обращалъ вниманіе министра на то, что желалъ бы, въ случаѣ утвержденія

¹⁾ Родина Ломоносова не Холмогоры, а деревня Денисовка, въ трехъ верстахъ отъ Холмогоръ, называемая теперь Ломоносовскою. Н. Е.

²⁾ Къ этому проекту Мартосъ сдѣлалъ примѣчаніе, что памятникъ составленъ имъ изъ двухъ фигуръ, потому что одна фигура на открытомъ мѣстѣ была бы бѣдна и не дѣлала бы хорошаго вида, чему доказательствомъ служить статуя Суворова поставленная въ Петербургѣ; она очень не казиста и не дѣлаетъ вида, потому что одна: ничто ее не возвышаетъ. Н. Е.

проекта императоромъ, принять на себя исполненіе его, чтобы такимъ образомъ посвятить труды свои и искусство на сіе важное и къ чести относящееся дѣло. И этотъ взглядъ художника на созданіе памятника Ломоносову не былъ только фразой. Онъ отдался своей работѣ всецѣло, и какъ относился къ ней лучше всего видно изъ слѣдующихъ строкъ, взятыхъ изъ его писемъ къ генераль-губернатору Миницкому.

Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ.

Послѣ того, какъ проектъ и рисунокъ памятника былъ одобренъ въ мартѣ 1826 года императоромъ Николаемъ Павловичемъ, и вѣнчаніе самаго монумента было передано Мартосу, послѣдній писалъ между прочимъ:

«Я долженъ донести вашему превосходительству, что, по утвержденіи рисунка государемъ императоромъ, дорожа временемъ и не ожидая скопленія суммы по подпискамъ, которая, Богу извѣстно,

когда бы скопилась, рѣшился приступить къ произведенію настоящей большой модели... Я ничего такъ не боялся, какъ того, что преклонность моихъ лѣтъ не допустить меня совершить сію по предмету своему важную работу, которая посвящается на безсмертіе перваго изъ русскихъ ученыхъ мужей».

По окончаніи отливки изъ бронзы памятника, Мартосъ писалъ Миницкому:

«Не скрою предъ вашимъ превосходительствомъ радости моей по случаю счастливаго отлитія памятника и удовольствія, которое чувствую, что могъ посвятить труды свои на увѣковѣченіе лика одного изъ первѣйшихъ геніевъ сѣвера и великаго поэта русскаго. Дѣлая изображеніе нашего безсмертнаго піита, я никакихъ другихъ расчетовъ себѣ не представлялъ, кромѣ одной чести изобразить ликъ такого мужа, котораго вся Россія чтитъ и чтитъ всегда будетъ».

Приведенныя слова Мартоса доказываютъ, что дѣйствительно имъ руководила истинная любовь къ художественному произведенію, изваять которое выпало ему наклонѣ его жизни, и понятная гордость человѣка, сознающаго, что, созидаая памятникъ Ломоносову, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оставитъ потомству и свое имя. Это подтверждаетъ и его фактическое отношеніе къ дѣлу сооруженія монумента. Это онъ доказалъ какъ быстрою и добросовѣстностью исполненія его, такъ и тѣмъ, что принялъ на себя всѣ хлопоты по сохраненію памятника въ Петербургѣ до отправленія его въ Архангельскъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ на себя и доставку монумента съ пьедесталомъ въ Кронштадтъ для погрузки его въ военное судно, чего онъ не былъ обязанъ дѣлать по заключенному съ нимъ условію, а хлопоталъ единственно лишь потому, что не относился къ дѣлу только съ формальной стороны, но и съ любовью художника къ своему произведенію.

Какъ мы уже упомянули выше, Мартосъ назначилъ себѣ вознагражденіе за изваяніе памятника въ 46,000 рублей. Сумму эту нужно считать сравнительно умѣреннымъ, чему доказательствомъ можно привести тотъ фактъ, что тотъ же самый Мартосъ взялъ за работу памятника Ришелье въ Одессѣ 50,000 рублей, хотя бронзовая фигура этого монумента болѣе фигуры Ломоносова всего лишь на пять вершковъ и, кромѣ того, пьедесталъ подъ памятникъ Ришелье былъ изготовленъ въ Одессѣ не за счетъ Мартоса. Между тѣмъ за плату 46,000 рублей художникъ не только обязался сдѣлать модель памятника Ломоносова въ натуральную величину, произвести отливку бронзовыхъ фигуръ изъ собственнаго матеріала и отчеканить ихъ, но также взялся вытѣсать и отполировать за свой счетъ гранитный пьедесталъ для него и, наконецъ, прислать въ Архангельскъ на свои средства мастера для установки монумента, — однимъ словомъ, Мартосъ принималъ на себя всѣ труды и издержки

по сооруженію памятника, кромѣ доставки его отъ Петербурга до Архангельска.

Посвятивъ два года на лѣнку алебастровой модели памятника въ его натуральную величину, онъ окончилъ ее къ апрѣлю 1828 года и немедленно же приступилъ къ отливкѣ изъ бронзы самаго монумента, которая была благополучно окончена къ январю 1829 года. Ранѣе этого съ алебастровой модели былъ сдѣланъ, награвированъ и выпущенъ въ продажу рисунокъ памятника; самая же модель была выставлена въ мастерской художника для обозрѣнія публики и, по отзывамъ современниковъ, вызывала всеобщее одобреніе. Напр., извѣстный въ своемъ родѣ сановникъ-пѣта графъ Д. И. Хвостовъ писалъ объ этой модели: «я, какъ и многіе любители искусствъ, видѣли сію модель и осыпають ее похвалами. Въ оной нашъ безсмертный Ломоносовъ кажется живъ и пишетъ стихи во славу Бога и честь своего народа». Большинство любителей, посѣтившихъ выставку модели, выразили Мартосу свое сожалѣніе, что памятникъ изготовляется не для Петербурга.

Между тѣмъ все время, пока изготовлялись проектъ, затѣмъ модель памятника и, наконецъ, самый памятникъ, добровольныя приношенія на его сооруженіе стекались со всѣхъ концовъ Россіи. Такъ, въ 1825 году поступило 17,175 р., въ 1826—9, 511 р., въ 1827—11,197 р., въ 1828—9,271 р. Подписка продолжалась до 1835 года и всего пожертвованій за эти десять лѣтъ поступило 53,395 р., 3¹/₂ коп. Въ этомъ числѣ было получено за продажу стихотвореній графа Хвостова и эстамповъ памятника, а также процентовъ на собранный капиталъ, всего 3,960 рублей. Наиболѣе крупныя пожертвованія были:

Императора Николая Павловича	5,000 руб.
Графа Д. И. Хвостова	3,345 »
Чиновъ 2-й арміи графа Витгенштейна	1,000 »
Графа Семѣна Ивановича Воронцова	2,000 »
Чиновъ отдѣльн. корпуса внутренней стражи 1,584 »	
Императорской Академіи Наукъ	1,000 »
С.-Петербургскаго купечества	1,000 »
Софіи Алексѣевны Раевской ¹⁾	1,000 »

¹⁾ С. А. Раевская — жена извѣстнаго героя 1812 года. О своемъ пожертвованіи на памятникъ Ломоносову она увѣдомила генераль-губернатора Миницкаго слѣдующимъ письмомъ: «Милостивый государь Степанъ Ивановичъ! Чрезъ газеты я узнала о истинно патріотическомъ предпріятіи вашего превосходительства—привести въ исполненіе мысль архангельскаго преосвященнаго воздвигнуть памятникъ знаменитому Ломоносову на его родинѣ. Какъ уважающей отличное достоинство сего великаго мужа и какъ одной изъ ближайшихъ его родственницъ, вы позволите мнѣ быть участницей въ похвальному предпріятіи вашему. Съ сею же почтою поручила я Е. А. Богданову выслать въ Архангельскъ на имя вашего превосходительства тысячу рублей. Прошу не именовать меня въ публикаціяхъ о пожертвованіяхъ на сей предметъ, равно принявъ увѣ-

Чиновъ морского вѣдомства	897 руб.
Чиновъ казанскаго учебнаго округа	876 »
Архангел. купцовъ Амосова, Бранта и Греля	600 »
Кіевскаго митрополита Евгенія	545 »
Графа Владиміра Григорьевича Орлова	500 »
Графа Николая Петровича Румянцева	500 »
Графа Сергѣя Петровича Румянцева	300 »
Харьковскаго епископа Виталія	300 »
Графа Дмитрія Николаевича Шереметева	300 »
Архангельскаго мѣщанскаго общества	300 »
Сергѣя Семеновича Уварова (впослѣдствіи министра и графа)	200 »
Графа Николая Семеновича Мордвинова	200 »
Князя Сергѣя Михайловича Голицына	200 »
Чиновъ С.-Петербургскаго университета	200 »
Архангельскаго ген.-губ. С. И. Миницкаго	200 »
Дѣйств. тайн. совѣт. Оболянинова, князей Д. В. Голицына и Ю. В. Долгорукова и отъ генераль-адъютантовъ Левашева, Па- скевича и Закревскаго по	100 »

Говоря о сборѣ пожертвованій, нельзя пройти молчаніемъ той дѣятельной роли, которую принялъ на себя поэтъ графъ Д. И. Хвостовъ въ дѣлѣ сооруженія памятника Ломоносову. Прежде всего онъ пришелъ на помощь дѣлу своими стихотвореніями и пожертвовалъ для этой цѣли 100 экземпляровъ своей книги «На сооруженіе памятника Ломоносову въ Архангельскѣ». Слѣдующая выдержка изъ письма его къ Миницкому отлично характеризуетъ тѣ способы, при помощи которыхъ распродалались въ то время подобныя пожертвованія. Хвостовъ писалъ: «Я самъ маленькій поэтъ и захотѣлъ быть участникомъ вашего похвального намѣренія. Почему и препровождаю къ вамъ одинъ экземпляръ моего сочиненія въ подарокъ, а въ посылочномъ реестрѣ на ваше имя прилагаю въ бумажномъ переплетѣ сто экземпляровъ. Вы, какъ генераль-губернаторъ трехъ губерній легко подпискою можете спустить съ рукъ сіе мое стихотвореніе. Я увѣренъ, что всѣ присутствующіе и дворяне охотно пожертвуютъ (не говоря о достижествѣ моихъ стиховъ) 2 руб. 50 коп. для имени Ломоносова». И, дѣйствительно, эти сто экземпляровъ были разосланы по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ Архангельской губерніи и по купечеству. Покупатели, почти обязательные, платили за каждый экземпляръ отъ 3 до 25 рублей, смотря по желанію, и вскорѣ было выручено отъ этой продажи 345 рублей. Кромѣ этого пожертвованія, гр. Хвостовъ представилъ

реніе въ чувствахъ душевной благодарности и совершеннаго почтенія, съ коимъ имѣю честь быть, милостивый государь, вамъ покорная къ услугамъ Софія Раевская». Пожертвованіе С. А. Раевской было записано какъ пожертвованіе отъ неизвѣстной знатной особы.

еще 3,000 рублей для усиленія средствъ на воздвигаемый памятникъ; деньги эти были выручены имъ отъ продажи въ Петербургѣ своихъ стихотвореній.

Главная же заслуга его въ дѣлѣ сооруженія Ломоносовскаго памятника заключалась въ томъ, что онъ, не умолкая, трубилъ въ Петербургѣ объ этомъ патріотическомъ предпріятіи, чѣмъ привлекалъ жертвователей изъ среды высшаго петербургскаго общества. Наконецъ, гр. Хвостовъ служилъ весьма часто посредникомъ въ перепискѣ между архангельской администраціей и Петербургомъ. Такъ, онъ ускорилъ своей просьбой министра Шишкова представленіе на утвержденіе императора Николая проекта памятника, составленнаго Мартосомъ; дѣлалъ различныя справки въ петербургскихъ канцеляріяхъ, и обо всемъ писалъ длинными письмами въ Архангельскъ. Правда, письма графа отличались чрезмѣрнымъ многословіемъ, не относящимся къ дѣлу, но все-таки онъ много помогъ дѣлу созданія памятника Ломоносову, такъ какъ своею перепискою и разговорами въ Петербургѣ не далъ заглухнуть, завянуть самому предпріятію.

Слабость къ поэзіи у графа Хвостова сказалась и въ хлопотахъ его о памятникѣ. Когда послѣдній былъ окончательно изготовленъ, Мартосъ выставилъ его для петербургской публики въ своей мастерской. Чтобы привлечь побольше посѣтителей, осматривающихъ его, Хвостовъ написалъ слѣдующее стихотвореніе:

ОБЪЯВЛЕНІЕ

объ отъѣздѣ въ Холмогоры Ломоносова, скончавшагося
1765 года.

Попутный вѣтръ пловцамъ лишь станетъ дуть

Съ Невы поэтъ извѣстной Ломоносовъ

И въ землю рудъ, алмазовъ и кокосовъ (sic),

Въ Архангельскѣ желая отдохнуть,

На родину предпринимаетъ путь.

Онъ нынѣшней холодною зимою

Вечернею и утренней порою

Въ Петрополѣ радъ на друзей взглянуть,

За хлѣбъ и соль, за лавры поклониться

И ласково съ пріятельми проститься.

Пускай онъ жилъ похвально, славно здѣсь,

Стрѣлъ зависти коварной не боится:

Отъ ногъ до головы — онъ мѣдный весь.

Когда его увидѣтъ кто захочетъ,

Навѣрно тотъ немного похлопочетъ:

Отправится немедля за Неву —

Профессоръ нашъ живетъ на острову, —

Гдѣ Мартосъ самъ тотчасъ его представитъ,

Отечество и Пиндара прославитъ.

Но графъ Хвостовъ немного поторопился отправить съ попутнымъ вѣтромъ мѣднаго Ломоносова къ Архангельску. Отлитый и совершенно готовый памятникъ пролежалъ въ Петербургѣ 14½ мѣсяцевъ, именно потому, что не было попутнаго вѣтра для отправки его изъ столицы. Въ мартѣ 1829 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на перевозку памятника вмѣстѣ съ гранитнымъ пьедесталомъ въ Архангельскъ на военномъ суднѣ, если не встрѣтятся на это препятствія со стороны морского министра. Здѣсь-то и оказалась задержка: бывший тогда морскимъ министромъ адмиралъ Моллеръ 2-й увѣдомилъ архангельскаго губернатора, что, по предстоявшей надобности, лѣтомъ 1829 года, отправить большое количество казеннаго груза изъ Кронштадта въ Архангельскъ, онъ не считаетъ возможнымъ расположить перевозку памятника на казенномъ суднѣ.

Отказъ этотъ поставилъ архангельскую администрацію болѣе чѣмъ въ затруднительное положеніе. Готовый памятникъ съ пьедесталомъ лежалъ на одномъ изъ частныхъ дворовъ по набережной Фонтанки; за наемъ этого мѣста приходилось платить по 35 руб. въ мѣсяцъ; но помимо этого непроизводительнаго расхода, вмѣстѣ съ отказомъ министра, исчезла всякая надежда увидать Ломоносовскій монументъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ въ Архангельскѣ. Частныхъ пароходовъ, совершавшихъ, какъ нынѣ, прямые рейсы отъ Петербурга до Архангельска, въ то время еще не было; везти сухимъ путемъ было почти невозможно: во-первыхъ, рисковано было рѣшиться отправить столь дорогой грузъ по отвратительной дорогѣ между Петербургомъ и Архангельскомъ, такъ какъ во время перевозки могло произойти крупное поврежденіе этого произведенія искусства; во-вторыхъ, за перевозку на лошадяхъ груза, вѣсомъ 1,500 пудовъ, просили очень дорого: менѣе 6—7 тысячъ рублей не бралъ ни одинъ подрядчикъ. Выяснивъ эти причины, архангельскій военный губернаторъ вновь ходатайствовалъ предъ министромъ двора о разрѣшеніи перевозки памятника Ломоносову на казенномъ суднѣ, при чемъ предлагалъ, съ цѣлью освободить ему мѣсто на суднѣ, доставить часть грузовъ, не требующихъ особой тщательности въ перевозкѣ, отъ Кронштадта до Архангельска, зимнимъ путемъ, каковую перевозку ихъ принималъ на счетъ суммъ, пожертвованныхъ на сооруженіе памятника.

По докладѣ объ этомъ императору Николаю I въ Варшавѣ, 15-го мая 1829 года, послѣдовало вторичное Высочайшее повелѣніе отправить памятникъ въ Архангельскъ на первомъ казенномъ транспортномъ суднѣ, которое туда отправится. Но послѣ этого повелѣнія Моллеръ доложилъ императору о томъ, что количество военныхъ транспортовъ недостаточно, и высочайшее повелѣніе о перевозкѣ памятника на казенномъ суднѣ, 27-го іюня того же года, было отмѣнено совершенно.

Обстоятельства измѣнились къ лучшему только со вступленіемъ въ должность морского министра князя Меншикова, когда послѣ усиленныхъ хлопотъ со стороны архангельскаго военнаго губернатора, 17-го іюня 1830 года, памятникъ съ пьедесталомъ былъ, наконецъ, перевезенъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ и нагруженъ на транспортъ «Двину», отправлявшійся подъ командою капитана 2-го ранга Полторацкаго, въ Архангельскъ.

Такимъ образомъ, только осенью 1830 года, прибылъ мѣдный Ломоносовъ на свою родину. Работы по постановкѣ памятника на мѣсто были отложены до весны 1831 года, когда его поставили на томъ самомъ мѣстѣ, которое для этого было собственноручно обозначено императоромъ Николаемъ Павловичемъ на планѣ города Архангельска. Открытіе и освященіе памятника въ 1831 году не состоялось, такъ какъ все лѣто этого года въ Архангельскѣ свирѣпствовала страшная болѣзнь—холера. Народъ находился въ паникѣ. Карантинныя условія не допускали большого скопленія народа въ видахъ возможности распространенія заразы. И вообще время это было на столько тяжелое и грустное, что вовсе было не до торжествъ и праздниковъ. Десятая часть городского населенія сдѣлалась жертвою свирѣпой холеры-морбуса; не было семьи, не было дома, гдѣ не оплакивали бы родственника или близкаго человека, умершаго отъ этой болѣзни...

Официальное торжественное открытіе памятника было отложено до прекращенія эпидеміи и могло состояться лишь лѣтомъ 1832 года. Для Архангельска торжество было дѣйствительнымъ праздникомъ. Въ виду того интереса, который имѣютъ сообщенія о рѣдкихъ торжествахъ подобнаго рода, бывшихъ въ доброе старое время, остановимся нѣсколько подробнѣе, насколько позволяютъ рамки уцѣлѣвшихъ о томъ свѣдѣній, на самомъ открытіи памятника.

Программа праздника была составлена совмѣстно духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ: духовное—въ лицѣ архіерея, свѣтское—въ лицѣ гражданскаго губернатора. Архангельскій преосвященный Георгій (Яцуржинскій) предложилъ слѣдующую программу:

1) Объявить о семъ торжествѣ архангельской и холмогорской публикѣ и родственникамъ Ломоносова, приглашая ихъ, по предварительному разсмотрѣнію, на такой день, который былъ бы самоудобнѣйшій къ собранію сколько можно многочислѣннѣйшему.

2) Между тѣмъ, устроить надъ памятникомъ распростертую обширную палатку въ видѣ зонтика, подъ которымъ сановитые чиновники и дамы могли имѣть на случай зноя или дождя защиту.

3) Предъ памятникомъ поставить для знатнѣйшихъ стулья, а для прочихъ скамейки, дабы не было изнурительно выслушать разныхъ сочиненій, въ честь сего торжества произносимыя; каковыми скамейками можно позаимствоваться изъ училищъ.

4) За памятникомъ музыка и пѣвчіе, а прочее подробнѣйшее распоряженіе, по усмотрѣнію гражданскаго начальства.

5) На рукѣ Ломоносова, которою держитъ арфу, привѣситъ икону Архангела Михаила такой величины, чтобы геній, подающій, лиру, былъ прикрытъ оною, или прежде привѣситъ пелену прилично, которая бы прикрыла генія, а на ней икону.

6) Въ церкви ученикамъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ училищъ стоять по среди церкви съ тѣмъ, чтобы меньшаго возраста ученики были впереди, а высшаго позади, дабы одни другимъ не мѣшали видѣть богослуженіе и проповѣдника. Здѣсь бы помѣстить и дѣтей городскихъ сословій, по распоряженію гражданскаго начальства.

7) Мужчинамъ занять сторону правую, а дамамъ лѣвую, или наоборотъ, то же по смотрунію гражданскаго начальства.

8) Въ самый день торжества сего начнется благовѣстъ въ девять, а соборное архіерейское служеніе въ десять часовъ, на которое архіерейскій входъ со славою въ собраніи всего градскаго духовенства въ Архангельскій кафедральный Свято-Троицкій соборъ, а при окончаніи служенія въ свое время имѣетъ быть произнесено архіереємъ слово пріуготовильное къ сему торжеству.

9) По окончаніи литургіи благодарное Господу Богу молебствіе, послѣ котораго многолѣтствіе Государю Императору съ Высочайшею фамиліею и провозгласитъ вѣчную память блаженной и достославной памяти государю императору Александру I.

10) Послѣ сего при колокольномъ звонѣ архіерей съ духовенствомъ, разоблачась изъ церковныхъ ризъ, въ мантияхъ и въ рясахъ, выйдутъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ обыкновенно бываетъ архіерейскій входъ въ церковь со славою, впереди коихъ ученики духовныхъ и свѣтскихъ училищъ въ два ряда, а между рядами духовенства пѣвчіе будутъ пѣть оду сочиненія Ломоносова: «Хвала Всевышнему Владыкѣ» и проч.

11) Свѣтскимъ ли напередъ выйти, всѣмъ или нѣкоторымъ, или духовенству—представляется распоряженію гражданскаго начальства, дабы не встрѣтилось какое-либо замѣшательство или безпорядокъ.

12) Когда духовенство сближится къ памятнику, завѣса, покрывающая его, откроется, при громкомъ звукѣ музыки, которая и будетъ продолжаться, покуда всѣ займутъ предназначенныя имъ мѣста и покуда не станетъ на устроенномъ амвонѣ имѣющій произнести первую рѣчь.

13) Амвонъ можно на сей случай позаимствовать изъ которой либо церкви; на немъ или столикъ поставленъ будетъ, на которомъ должны лежать всѣ сочиненія Ломоносова, физическіе и химическіе инструменты; или, буде сего учинить не можно, то наложъ церковный, или и то, и другое совмѣстить.

14) Которыя сочиненія въ честь Ломоносову произнести прежде и которыя послѣ, предоставляется разсмотрѣнію гражданскаго начальства, но за каждымъ сочиненіемъ пѣвчіе пропоютъ или музыка заиграетъ по особому назначенію.

15) По окончаніи произношенія всѣхъ сочиненій, пѣвчіе запоютъ: «Тебѣ, Бога, хвалимъ» и музыка съ пѣвчими: «Боже, храни царя». Затѣмъ литія за упокой Михаила и вѣчная память, а наконецъ, многолѣтствіе: благовѣрному правительствующему синклиту, военнначальникамъ, усердствовавшимъ къ сооруженію памятника, статскому совѣтнику Михаилу Васильевичу Ломоносову, живущему въ памяти ученыхъ соотчичей, и всѣмъ участвующимъ въ торжествѣ сооруженія, водруженія и открытія онаго памятника многая лѣта. Во время пѣнія многая лѣта, архіерей и монашествующіе разоблачаются изъ мантий и съ миромъ и радостію расходятся во свояси.

16) Хорошо было бы, если бы сіе торжество можно отерочить къ темной ночи; тогда бы сословія города Архангельска могли ознаменовать торжество сіе, которое имъ дѣлаетъ честь, илпоминаціею; тогда икону съ пеленою снять, а къ простертой рукѣ прикрѣпить портретъ государя и покрыть сзди пеленою прилично съ бантами и пуклями, въ родѣ балдахины.

Эта, предложенная епископомъ Георгіемъ, программа, по обсужденіи ея гражданскимъ губернаторомъ, была нѣсколько измѣнена, какъ увидимъ ниже при описаніи открытія памятника, назначеннаго и состоявшагося, 25-го іюля 1832 года, въ день рожденія императора Николая Павловича.

За двое сутокъ до торжества открытія были сдѣланы слѣдующія приспособленія и приготовленія: фигуры памятника закрыли парусиннымъ чехломъ; съ лѣвой стороны, у подножія пьедестала, устроили небольшой помостъ, на которомъ поставили каеэдру для ораторовъ; предъ памятникомъ расположили мѣста для публики, въ видѣ амфитеатра, покрытаго парусиннымъ зонтомъ; въ первомъ ряду этого амфитеатра поставили кресла для «знаменитыхъ» особъ, затѣмъ стулья и наконецъ скамьи; все это пространство для «чистой» публики огородили натянутыми веревками, за которыми могъ помѣщаться черный народъ.

Утромъ, 25-го іюля, стояла вполне благопріятная для празднества погода. Солнце ярко освѣщало подчистившуюся и принявшую приличный видъ площадь. Ни малѣйшій вѣтерокъ не колыхалъ покрывала, которымъ былъ задернутъ памятникъ. Съ ранняго утра на площади, названной Ломоносовскимъ лугомъ, толпился народъ, ожидая любопытнаго зрѣлища. Въ девять часовъ начался праздничный благовѣстъ въ каеэдральномъ соборѣ, продолжавшійся въ теченіе болѣе часа. Городскіе жители и крестьяне окрестныхъ деревень, нарочно прибывшіе въ Архангельскъ, въ праздничныхъ

костюмахъ, толпами запрудили площадь и наполнили собою внутренность собора, гдѣ совершалось торжественное архіерейское служеніе.

Во время литургіи преосвященнымъ Георгіемъ было произнесено приличное случаю слово, въ которомъ онъ провѣлъ слѣдующую мысль. «Премудрость Ломоносова истинная, свѣтлая неуывдаемая; онъ не зарылъ свой, данный ему отъ Бога, талантъ, но неусыпнымъ и неутомимымъ трудолюбіемъ умножилъ сугубо.—Несомнѣнно, что Богъ Духомъ Своимъ Святымъ вдохнулъ ему дарованія къ славѣ Своей, къ прославленію отечества нашего Россіи и къ чести сѣверной страны нашей,—говорилъ архіерей и, изложивъ краткую исторію сооруженія памятника, закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Родители и чада! Взирайте часто и внимательно на памятникъ «его. Онъ скитался и искалъ премудрости въ Москвѣ. Тамъ предъ «Чудовымъ монастыремъ, въ прискорбіи сердца, на колѣняхъ, со «слезами умолялъ Бога, источника премудрости, да откроетъ ему «путь и направить стопы его къ достиженію просвѣщенія. Нынѣ «Монаршая премудрость взыскуетъ къ себѣ чадъ своихъ. Разсмотримъ прилежно изображеніе Ломоносова: очи его къ небесамъ, «рука его простертая указываетъ вамъ и чадамъ вашимъ храмъ Божій и святилище наукъ. Внимайте себѣ и чадамъ вашимъ. Прославьте въ сихъ Господа и докажите, что вы достойны Высочайшей о чадахъ вашихъ заботливости. Къ вамъ, юноши, наиболѣе «сіе относится. Движимые похвальнымъ и благороднымъ усердіемъ «ознаменовать достоинства Ломоносова посильными добродетельными «приношеніями, воздвигли возможный памятникъ тому, которымъ «отличается и славится страна сія, бывшая ему колыбелью, въ которой и вы возлелѣяны. Вы же украсите оный охотою, прилежаніемъ и рвеніемъ къ наукамъ и возвеличите оный подражаніемъ «Ломоносову, и соревнованіемъ его всемѣрному и чрезвычайному «усилію и блистательнымъ успѣхамъ въ просвѣщеніи. Таковое «украшеніе и таковое ваше почтеніе для него долговѣчнѣе мѣди, «блистательнѣе золота и драгоцѣннѣе отличнѣйшихъ алмазовъ».

По окончаніи церковной службы, былъ совершенъ благодарственный молебенъ, и затѣмъ, по разоблаченіи духовенства, губернский прокуроръ прочиталъ предъ собравшимися въ соборѣ высочайшее повелѣніе о сооруженіи памятника Ломоносову. Послѣ этого началось церемоніальное шествіе изъ собора на площадь къ открываемому памятнику. Шествіе открывали ученики архангельскихъ духовныхъ училищъ, за ними слѣдовали ученики гражданскихъ учебныхъ заведеній; какъ при тѣхъ, такъ и при другихъ находилось ихъ училищное начальство: учителя, директоръ гимназіи и ректоръ семинаріи. Вслѣдъ за учебными заведеніями шли немногочисленные родственники Ломоносова, и затѣмъ слѣдовали: епи-

скопъ Георгій, окруженный духовенствомъ, военный губернаторъ со свитою военныхъ и гражданскихъ чиновъ, затѣмъ дамы и вообще дворянство, купечество и, наконецъ, въ хвостѣ процессіи—простой народъ. Во все время этого церемоніальнаго шествія пѣвчіе пѣли оду Ломоносова: «Хвала Всевышнему Владыкѣ».

По прибытіи къ памятнику всѣ были размѣщены предъ нимъ въ строгомъ порядкѣ чинопочитанія. Первый рядъ креселъ былъ занятъ епископомъ, военнымъ и гражданскимъ губернаторами, комендантомъ Новодвинской крѣпости и другимъ высшимъ начальствомъ съ ихъ семействами; во второмъ и послѣдующихъ рядахъ помѣщалось начальство второго ранга: духовенство, военные, гражданскіе чиновники съ дамами; далѣе слѣдовали неслужащіе дворяне и купечество, а за веревкой—чернь. Воспитанники учебныхъ заведеній находились сбоку памятника. На верхнихъ ступеняхъ его пьедестала лежали физическіе и химическіе инструменты; на нижней же живописно раскинуты рыболовныя сѣти. Это послѣднее украшеніе должно было напоминать публикѣ, что съ низкихъ ступеней положенія простаго рыбака Ломоносовъ силою своего генія достигъ высшихъ степеней почета.

Какъ только публика размѣстилась по своимъ мѣстамъ, покрывало съ монумента было сдернуто и раздался народный гимнъ, исполненный хоромъ пѣвчихъ и всѣми присутствовавшими; по окончаніи пѣнія военная музыка исполнила въ честь Ломоносова тушь. Послѣ этихъ вступительныхъ дѣйствій началось чтеніе и произнесеніе рѣчей. Первымъ вошелъ на кафедру соборный протодіаконъ и прочиталъ рѣчь, приготовленную епископомъ Георгіемъ.

Въ документахъ, на основаніи которыхъ составляется настоящій очеркъ, не сохранились списки съ тѣхъ рѣчей и стихотвореній, которыя были произнесены на торжествѣ открытія памятника Ломоносову; уцѣлѣла лишь одна коротенькая рѣчь епископа Георгія, которую и приведемъ въ видѣ образца провинціального краснорѣчія тридцатыхъ годовъ.

«Торжествующее собраніе! Давно уже Божіе и Помазанниковъ Его благоволеніе соотвѣтствовало намѣренію здѣшняго града всѣхъ сословій—воздвигнуть памятникъ Ломоносову; но никто не проникнулъ, почему вдругъ начало не достигло своего конца.

«Теперь видимъ ясно отъ событій причину. Времена Петра I весьма подобны временамъ Николая I и почти столько, сколько Николай I подобенъ Петру I.

«Ломоносовъ передалъ намъ въ гремящихъ звукахъ чудныя побѣды и подвиги великаго государя императора Петра Алексѣевича; видно судьбамъ Божіимъ благоутодно было, дабы въ заключеніе подобныхъ чудныхъ побѣдъ великаго государя нашего императора Николая Павловича торжествовать въ сей день славу, такъ сказать, державныхъ чудесъ Громоносца.

скопъ Георгій, окруженный духовенствомъ, военный губернаторъ со свитою военныхъ и гражданскихъ чиновъ, затѣмъ дамы и вообще дворянство, купечество и, наконецъ, въ хвостѣ процессіи—простой народъ. Во все время этого церемоніальнаго шествія пѣвчіе пѣли оду Ломоносова: «Хвала Всевышнему Владыкѣ».

По прибытіи къ памятнику всѣ были размѣщены предъ нимъ въ строгомъ порядкѣ чинопочитанія. Первый рядъ креселъ былъ занятъ епископомъ, военнымъ и гражданскимъ губернаторами, комендантомъ Новодвинской крѣпости и другимъ высшимъ начальствомъ съ ихъ семействами; во второмъ и послѣдующихъ рядахъ помѣщалось начальство второго ранга: духовенство, военные, гражданскіе чиновники съ дамами; далѣе слѣдовали неслужащіе дворяне и купечество, а за веревкой—чернь. Воспитанники учебныхъ заведеній находились сбоку памятника. На верхнихъ ступеняхъ его пьедестала лежали физическіе и химическіе инструменты; на нижней же живописно раскинуты рыболовныя сѣти. Это послѣднее украшеніе должно было напоминать публикѣ, что съ низкихъ ступеней положенія простаго рыбака Ломоносовъ силою своего генія достигъ высшихъ степеней почета.

Какъ только публика размѣстилась по своимъ мѣстамъ, покрывало съ монумента было сдернуто и раздался народный гимнъ, исполненный хоромъ пѣвчихъ и всѣми присутствовавшими; по окончаніи пѣнія военная музыка исполнила въ честь Ломоносова тушь. Послѣ этихъ вступительныхъ дѣйствій началось чтеніе и произнесеніе рѣчей. Первымъ вошелъ на кафедру соборный протодіаконъ и прочиталъ рѣчь, приготовленную епископомъ Георгіемъ.

Въ документахъ, на основаніи которыхъ составляется настоящій очеркъ, не сохранились списки съ тѣхъ рѣчей и стихотвореній, которыя были произнесены на торжествѣ открытія памятника Ломоносову; уцѣлѣла лишь одна коротенькая рѣчь епископа Георгія, которую и приведемъ въ видѣ образца провинціального краснорѣчія тридцатыхъ годовъ.

«Торжествующее собраніе! Давно уже Божіе и Помазанниковъ Его благоволеніе соотвѣтствовало намѣренію здѣшняго града всѣхъ сословій—воздвигнуть памятникъ Ломоносову; но никто не проникнулъ, почему вдругъ начало не достигло своего конца.

«Теперь видимъ ясно отъ событій причину. Времена Петра I весьма подобны временамъ Николая I и почти столько, сколько Николай I подобенъ Петру I.

«Ломоносовъ передалъ намъ въ гремящихъ звукахъ чудныя побѣды и подвиги великаго государя императора Петра Алексѣевича; видно судьбамъ Божіимъ благоутодно было, дабы въ заключеніе подобныхъ чудныхъ побѣдъ великаго государя нашего императора Николая Павловича торжествовать въ сей день славу, такъ сказать, державныхъ чудесъ Громоносца.

«Сколько великій Петръ I, непреоборимый никакими трудностями, ни смертоносными вооруженіями, прославилъ въ неутомимой и неусыпаемой дѣятельности; столько же и едва ли не болѣе посредѣ разныхъ злоумышленій, обуреваній и злключеній Богъ прославилъ силою Своею и духомъ крѣпости и непоколебимости великаго Николая I.

«Мы теперь, въ великомъ пристанищѣ взирая на протекшія тревоженія и горькое Ювлево испытаніе ¹⁾, не можемъ не вздрогнуть; но тѣмъ болѣе радуемся и веселимся, избавленные.

«Къ сему именно дню, не когда либо въ иное, но именно въ нынѣшнее время созрѣли всѣ ожиданія, всѣ терпѣнія наши.

«Можемъ теперь воскликнуть: сей день, его же сотвори Господь для насъ, да возрадуемся и возвеселимся и восторжествуемъ о Господѣ Божѣ и Спасѣ нашемъ, славно бо прославися!»

По окончаніи рѣчи преосвященнаго, пѣвчіе пропѣли съ музыкою первое отдѣленіе канта, и затѣмъ однимъ изъ учителей гимназіи была прочитана рѣчь директора ея Никольскаго, послѣ чего исполнена была вторая часть канта. Далѣе учитель гимназіи Спасскій прочиталъ свою рѣчь и послѣдовало третье отдѣленіе канта, чтеніе оды Ломоносова и латинскихъ стиховъ. Въ заключеніе пѣвчіе пропѣли «Тебѣ, Бога, хвалимъ» и торжество открытія памятника было окончено. Въ тотъ же день городской голова давалъ парадный завтракъ, на которомъ присутствовало духовенство и высшіе чиновники съ супругами. Вечеромъ же, по главной улицѣ города—Троицкому проспекту, устроилось импровизированное гулянье, центромъ коего была площадь, на которой возвышался иллюминированный памятникъ Ломоносову.

Подводя итоги стоимости этого сооруженія, увидимъ, что оно обошлось въ 50,721 р. 5½ коп. ассигнаціями. Эта сумма составила такъ: скульптору Мартосу за изваяніе памятника 46,000 р.; за сохраненіе памятника въ Петербургѣ 507 р. 50 коп.; за упаковку его и пьедестала 550 р.; за перевозку изъ Петербурга въ Кронштадтъ 1,600 р.; за установку его въ Архангельскѣ 1,160 р.; расходы по торжеству открытія памятника 654 р. 41½ коп. и, наконецъ, пересылка денегъ изъ Архангельска въ Петербургъ 245 р. 14 к. и гербовая бумага для контракта 4 руб.

Такимъ образомъ изъ всей пожертвованной суммы оставалось свободныхъ денегъ 2,673 р. 98 коп. На эту сумму признано было необходимымъ поставить чугунную рѣшетку вокругъ памятника, которая и была отлита на Александровскомъ сталелитейномъ заводе въ С.-Петербургѣ, въ 1835 году, за 2,250 рублей. Перевозку этой рѣшетки, вѣсомъ 228 пуд. 21½ ф., изъ уваженія къ памяти

¹⁾ Намекъ на холеру, посѣтившую Архангельскую губернію въ предшествовавшемъ году. Н. Е.

покойнаго Ломоносова, приняло на себя с.-петербургское купеческое общество.

Между тѣмъ, въ первые четыре года по постановкѣ, памятникъ на столько осѣлъ въ болотистую почву, на которой былъ водруженъ, что присланная въ 1837 году чугунная рѣшетка закрывала собою половину пьедестала, почему необходимо было возвысить памятникъ на 5¹/₂ футовъ, подведя подъ пьедесталъ фундаментъ изъ дикаго камня, подъ который для твердости подложить сваи. Смѣта на эти работы была исчислена въ 2,500 рублей, и онѣ не были бы приведены въ исполненіе за недостаткомъ для того средствъ, если бы подрядчикъ—архангельскій купецъ Иванъ Окуловъ, не согласился бы выполнить ихъ за тотъ незначительный остатокъ въ 423 р. 98 коп., которымъ располагала мѣстная администрація; остальные же деньги, слѣдовавшія за работу, Окуловъ, по его выраженію пожертвовалъ въ пользу казны, за что ему была объявлена благодарность министра внутреннихъ дѣлъ.

Выше было упомянуто, что памятникъ Ломоносова былъ поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое императоръ Николай Павловичъ собственноручно означилъ на планѣ города Архангельска. Мѣсто это не то, на которомъ теперь помѣщается этотъ памятникъ и которое описано въ самомъ началѣ настоящаго очерка. Первоначально, въ 1831 году, памятникъ былъ поставленъ тамъ, гдѣ нынѣ разбитъ въ Архангельскѣ Гагаринскій скверъ, т. е. на 150 сажень южнѣе настоящаго мѣста его нахождения, и стоять здѣсь до 1867 года. «Ломоносовскій лугъ», на которомъ онъ помѣщался, представлялъ собою крайне неудобное для памятника мѣсто: не говоря про то, что послѣдній былъ удаленъ на 60 сажень въ сторону отъ проспекта, къ нему нельзя было подойти вслѣдствіе топкости почвы, на которой, по ея низкому уровню, постоянно скоплялась вода, образуя непролазную грязь.

По ходатайству архангельскаго губернатора князя Гагарина, съ высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго 23 іюня 1867 года, памятникъ былъ перенесенъ на нынѣшнее мѣсто его нахождения, т. е. къ присутственнымъ мѣстамъ. Торжественное открытіе и освященіе его на новомъ мѣстѣ происходило 1-го сентября того же года.

Такова немногосложная, но и не лишенная интереса исторія памятника М. В. Ломоносову.

Николай Ермиловъ.

